

В.Л. КАГАНСКИЙ

Ландшафт и культура

Культура является существенным аспектом ландшафта, а ландшафт - средой, сферой и ценностью культуры. Культура - всегда сопряжение человека и ландшафта; ее трудно представить вне обращенности к ландшафту. Видение культуры подразумевает ландшафт. Видение ландшафта подразумевает культуру. Мысля культуру в ландшафте, мы видим его "текстом", один слой которого - культура. Обращаясь к ландшафту, можно многое узнать о культуре: ландшафт - ее необычная сфера, свидетельство, "изнанка". Культура в ландшафте (в отличие от литературы, философии, искусства) неприглажена, нерerefлектирована (хотя существуют и "культурогенные" ландшафты, например садово-парковые). Для гуманитарного знания культура есть объемлющая рамка. Я же подхожу иначе: *ландшафт - рамка культуры*, ее контекст; но и культура в аспекте ландшафта - один из его компонентов.

Своеобразие такого взгляда на культуру - назову его *ландшафтная герменевтика культуры* - отвечает и особый способ ее проживания. Это не столько эксплицитная концепция, сколько способ жизни, центрированной по бытию в культурном ландшафте. В нем живут все, но географ - тот, для кого это важно. Основа профессии - разнообразие, оформленность, осмысленность ландшафта; продуктивность исследования в географии почти целиком обусловлена навыком взаимодействия с ландшафтом. Отсюда и особенность анализа: не размещение "объектов культуры", а пространственное и семантическое осмысление сплошной ткани ландшафта, попытка выявления системы его смысловых форм, *ландшафтная феноменология культуры и культурная феноменология ландшафта*. Эта ориентация традиционна для географии, но формируется и самостоятельное направление на стыке теоретической географии и наук о культуре. Попытаемся же поставить ландшафт в рамку культуры, выявить многообразие и нетривиальность их связей¹.

Ландшафт природный и ландшафт культурный

Недоразумением представляется достаточно широко распространенное мнение, что, если к существующему чисто природному ландшафту добавить продукты человеческой деятельности, мы получаем культурный ландшафт. Оно полезно, когда природный ландшафт рассматривается как самодостаточный объект изучения (именно этим и занята физическая география). Но в культурном ландшафте сплетены природные и культурные компоненты, их нелегко и не всегда разумно разделять.

¹ Представляемый в статье образ культурного ландшафта сложился в конкретных местах. Это Северная Евразия, бывший СССР. Не ясно, насколько мой образ ландшафта осмыслен для других территорий, а теории приложимы к ним.

Соотношение природного и культурного начал определяет в ландшафте очень многое, однако далеко не всегда ясно, имеет ли то или иное явление природное или культурное происхождение. Например, это до сих пор не установлено даже относительно степи Восточно-Европейской равнины. Расхожее представление о еще недавно необозримо диком пространстве, занятом чисто природным ландшафтом, есть результат определенного видения, согласно которому культурный ландшафт имеет привычные нам следы воздействия человека - дороги, города, земледелие...

Многие полагают конкретный ландшафт природным почти всегда потому, что не склонны уважительно относиться к культуре его коренных обитателей, которая не обязана быть технологичной, вести к безудержному росту населения и агрессивному внедрению материальных элементов в ландшафт. Тундра или тайга - культурный ландшафт, как и пустынные пастбища, умирающий аграрно-лесной мир Северной России, джунгли урбанистической цивилизации.

Культурный ландшафт - это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцированно, освоено утилитарно, семантически и символически. Различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо от смыслового. Отсюда вывод: люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая). Здесь и далее для краткости понятие "культурный ландшафт" будет обозначаться словом "ландшафт", ежели иного не оговорено.

Без фона и объектов

Каждому знакома географическая карта - города, реки, вулканы, памятники, озера и т.д., размещенные на каком-то поле, фоне. Карта всегда ошибается в главном: для ландшафта различие (противопоставление) фона и объектов всегда условно и часто даже бессмысленно. Объекты можно выделить лишь ценой фокусировки и абстрагирования. *Ландшафт - сплошная среда*. Это даже не ткань с узелками (расхожий образ), но непрерывное поле. Можно указать на границу слов или предложений текста, поскольку его элементы дискретны, но нельзя сделать что-либо подобное с ландшафтом.

Части в нем выделяются столь по-разному, что никаких жестких универсальных границ просто нет. Они всегда проводятся, но ценой сочетания огромной условности и абстрагирования от значительных объемов содержания. Как-то я для хорошо изученной большой территории нанес на карту границы тех районов, на которые этот участок отчетливо расчленяется. Но то, что было верно для каждого аналитического образа, оказалось неверным для ландшафта как такового: сумма границ образовала сплошное черное пятно, границы занимают весь ландшафт². Более того, коль скоро выделение границ (районирование) есть деятельность внутри научной дисциплины и/или культурной практики, получается, что данные и даже иногда видимые в материале ландшафта (территории) границы - проекция "из культуры". Именно конкретика культурной ситуации предзадает расчленение ландшафта на части³.

Есть масса способов расчленять ландшафт на части, причем без всякого произвола. Можно сказать, что *ландшафт сам себя членит*, районировует. При этом способы выделения его частей предстают как результат деятельности различных групп, по-разному обживающих один и тот же ландшафт. Так, русские переселенцы долго выясняли у аборигенов Южной Сибири названия отдельных, визуальны и топографически четких вершин. Но выяснилось, что таких названий просто нет: местных жителей интересовали комплексы пастбищных и охотничьих угодий, а не отдельные

² Ср. известный тезис М. Бахтина: "всюдность" границ в культуре.

³ В СССР изучать ландшафт как природный было интереснее и приятнее; физикогеографы почти убеждены, что представляемые ими границы ландшафтов существуют "на самом деле" и даже границу Европы и Азии можно прочертить прутиком на земле [1,2].

единицы, которые можно нанести на топографические карты. Расчленения культурного ландшафта на части, составляя компонент его жителей, сами входят в ландшафт. Даже индивидуализация ландшафта культурно мотивирована.

Выделять объекты из фона нужно, если нам важны объекты, например для рисования, строительства, бомбардировки. В жизни есть лишь расчленения целостной ткани, ибо в ландшафте соседство обязывает и, даже бывая случайным, в результате всегда ведет к связям. Ландшафт - среда, где соположенность непременно рождает смысловые, вещественные, утилитарные, символические взаимодействия, потоки ресурсов и конфликты. Безразличного соседства в ландшафте не бывает.

Пространство ландшафта - сложное и богатое производными от соседства отношениями⁴, очень дифференцированное и насыщенное смысловыми различиями⁵. Таким мыслит пространство Аристотель (его подход принято называть квалитатизмом). Каждое из мест ландшафта имеет множество разных функций, используется в разных целях, служит разным группам для решения разных задач. *Всякое место* и даже само основание его существования (выделения) *полисеманлично, полифункционально, поликонтекстуально*. Нелепо полагать, будто с помощью универсального набора элементов можно сложить любую конструкцию и реализовать любую функцию, выразить любой смысл. Всякая функция или смысл имеют свою область определения, они не совпадают и пересекаются. При этом не только места обретают функции, но функции и смыслы наращивают свои места.

В таком пространстве для жителей городской (псевдогородской) массовой цивилизации очень много странного. Все места, большие и малые, в каких-то важных отношениях равноценны как обеспеченные смыслом живущих в них людей. Качественные различия важнее количественных признаков (их так и хочется назвать призраками). Если всякое место становится участником большого множества взаимодействий (от обмена воздухом до мистических путешествий, не говоря уже о потоках грузов, технологических цепочках и пр.), то *нет и единой меры для универсального ранжирования мест*.

Легко ранжировать фрагменты ландшафта, если видеть в них лишь скопление ресурсов - полезных ископаемых, площадок для строительства, лесов и даже красивых пейзажей. Коль скоро все места самоценны, каждое из них *уникально*. Это и утверждалось почтенной, но теряющей популярность доктриной уникальности ландшафта, согласно которой при прочих равных условиях, чем больше площадь конкретного ландшафта (территории), тем большими содержанием, набором структур, сложностью, смыслом он обладает, тем более богат потенциальными формами [3, 4]. Размер (площадь) ландшафта - мера содержательная, ее нельзя заменить числом составных элементов, поскольку в силу природы ландшафта способов выделять элементы бесконечно много.

В эпоху кризисов ценность разнообразия уже не вызывает сомнения. Но *разнообразие ландшафта* - не столько мера его богатства для чего-то внешнего (хотя и это верно), сколько атрибут бытия. Ландшафт существует как качественно разнообразное пространство рельефа, почв, растительности, поселений, угодий и всего остального. Разнообразие ландшафта - его атрибут и основа устойчивости (в том числе как носителя смысла). Формы человеческой деятельности способны выжить в ландшафте в той мере, в какой они сами дифференцированы в соответствии с ландшафтом. А трансформация ландшафта имеет целью восстановить такое соответствие: цивилизации с простыми массовыми технологиями и немногими социокультурными группами

⁴ Если представлять ландшафт как некий квазитекст, то его синтагматика очень массивна и доминирует над парадигматикой.

⁵ Множественность расчленений ландшафта - проблема разнообразия людей, типологии личности и ее состояний. В разных состояниях люди по-разному выделяют места. Создавая среду, носители одних типов репрессируют другие. Это открывает возможность реконструкции доминантных типов исключительно по среде ландшафта, приобретающего статус своеобразного проективного теста для сегмента культуры.

должно отвечать просто и однообразно дифференцированное пространство. Будет ли оно жизненно - дело другое.

Пространство ландшафта дифференцировано. Это непосредственно ощущает человек, если он действительно живет в ландшафте. Но в нем дифференцированы не столько отдельные места, фрагменты и области, сколько сами *направления*: горизонтальное и вертикальное, широтное и долготное, вдоль и поперек хребта, "центр - периферия" и многое другое (научное определение этого явления - аннизотропность). Самых направлений необозримо много, и, более того, набор существенных направлений меняется от места к месту. Так, в деловом центре города главное направление вертикальное, в других его частях и в пригороде горизонтальное ("центр - периферия"), в собственно сельской местности доминирует природное направление север-юг".

Дифференцированы и масштабы, чем мы в силу крайней культурной экзотики этого понятия займемся отдельно. Аннизотропность означает качественность направлений, как свойственная ландшафту дифференцированность - качественность мест. При всяком перемещении в ландшафте в любую сторону все меняется, причем во многих аспектах. В ландшафте, как это ни странно, трудно однозначно описать результат перемещения хотя бы потому, что перемещение - это смена мест, каждое из которых есть точка зрения, контекст, смысловая позиция.

Более того, почти невозможно осмысленно использовать единую меру для удаленности объектов в ландшафте (расстояния). Говоря строже, *ландшафтное пространство полиметрично*; универсальные (макро) метрики отсутствуют. Впрочем, это ведомо всякому - реально переживаемое расстояние зависит от способа передвижения, состояния путника и ландшафта, от мотива передвижения и многих других факторов.

Современный человек, в сущности, даже любит ландшафт, и эгоцентричная любовь позволяет заместить его более пригодным для такой любви образованием. Это - *пейзаж*. Пейзаж - то, что специально предназначено для визуальной любви: красиво, живописно, величественно, экзотично, типично и т.д. Он существует как отношение избранного места и избранной точки осмотра. То и другое культурно нормировано. Считается, что Ф. Петрарка первым (в нашей культуре) поднялся на гору исключительно, чтобы насладиться видом окрестностей. Это было важной культурной новацией. Далее последовал известный культ зрительной живописности, в том числе создание парков. Пространство парка создано именно для того, чтобы складывались некие композиции пейзажей, выражающие и символизирующие определенные образы природы и/или ландшафта: английский и французский парки - разные стили видения (трансформации, культурного обустройства) ландшафта.

Парк как композиция пейзажей и ландшафт во всем противоположны. В парке смотрят с одних мест на другие, а прогуливаются по специальным дорожкам. В ландшафте все места значимы - равно и куда, и откуда смотрят, а для перемещения служит все пространство. Парк - искусственно созданный фрагмент для жизни. Ландшафт - просто жизненен. Парк подчинен созерцанию, ландшафт включен в многообразную жизнь, предполагающую и различие способов жизни у разных его обитателей. Поэтому, кстати, ландшафтная живопись как реалистическое искусство сомнительна: статические образы ландшафта ему неадекватны, зрительные впечатления осмыслены только при сверхвизуальной включенности в жизнь ландшафта.

Лестница без ступеней

Для качественно дифференцированного пространства размер, расстояние существенны. Тем более *масштаб*. Этому феномену и понятию не повезло: в обыденной речи оно стало синонимом размера (истинное и первоначальное значение слова "крупномасштабный" - изображенный и/или рассматриваемый с высокой степенью подробности). Масштаб - отношение между объектом в реальности и его отобра-

жением, описанием, представлением его смысла (на карте, но не только). Однако масштаб еще и категория ландшафта. Если какой-либо объект может быть тождествен себе абсолютно, то для ландшафта это утверждение верно лишь при сохранении масштаба. Такие известные нам с детства объекты, как природные зоны или большие экономические районы, существуют в одном - мелком масштабе, тогда как жизнь людей протекает в другом - крупном. В мелком масштабе существуют и государства, в среднем - города и их агломерации, далее с увеличением масштаба можно перейти к районам города, природным урочищам, отдельным зданиям, непосредственному жизненному миру жилища. Мы легко мирились бы с такой ситуацией, если бы от масштаба к масштабу можно было бы переходить легко и просто. Но это не так.

Каждый масштаб подобен цельной сфере реальности. В каждом из них свои характерные формы, закономерности, понятия и траектории перемещения. Смысл объекта и фрагмента ландшафта зависит не только от масштаба рассмотрения, но и от условий его существования. В крупном масштабе города предстают как скопление кварталов, горы - как хаос отдельных вершин, сельская местность - как лоскутное одеяло полей. В среднем масштабе города "оказываются" звездообразными телами, горы — линиями хребтов, сельская местность - сгустками полей вокруг деревень. А в мелком и сверхмелком масштабе городские системы оказываются роями точек, горные страны - четкой системой с характерным ритмом хребтов и долин, сельские территории — сплошным ковром с узелками городов. Даже функция (использование) объекта и/или территории производна от масштаба. Например, большие судоходные реки связывают, интегрируют территории, но в то же время каждый отдельный участок реки можно рассматривать как барьер, препятствие связям территорий на разных берегах.

Обычное представление о лестнице масштабов, порожденное практикой "вкладывания" мелких объектов как целых в крупные, удобно, но сомнительно, ибо "вкладываются" физические площади и объемы, но не понятия и смыслы (точно так же, как "Евгений Онегин" - не сумма строф или глав). Ведь масштаб - особый тип контекста: *пространство культурного ландшафта полимасштабно*, каждой его части, месту отвечает целый спектр смыслов, значений, функций. Конкретный кусочек пригородного ландшафта является одновременно и мозаикой пустошей, полей, дачных участков, и частью системы привычного большого сельского хозяйства, и уникальной "малой родиной", и охранной зоной аэродрома, где нельзя строить башен, и частью водосборного бассейна местной реки и пригородных лесов, и многое другое. Выяснить, что это за место, что оно значит, для чего оно нужно, что с ним можно и нельзя делать, бессмысленно вне конкретного масштаба, а их много.

В каждом месте наслоены не только вещественные компоненты природного ландшафта (рельеф, почва, климат, растительность и т.д.), но и масштабные уровни. Всякий ландшафт в любой точке являет собой сложную картину *интерференции масштабов*, их взаимодействия, компромисса и конфликта⁶. (По-видимому, трудно осваиваемая идея полимасштабности истории все же описывает более простую ситуацию.)

По масштабам разведены во всяком ландшафте и уровни владения, контроля, пользования (другое дело, как именно и насколько компромиссно). Впрочем, к ландшафту вряд ли приложимо понятие абсолютной собственности. Оно, как и все понятия, описывающие вещи вне контекста, трудно приложимо к полимасштабным

⁶ Категория масштаба приложима и к пространству художественных текстов. Их анализу - жанру литературоведения, семиотики и пр. - явно не хватает категорий, которые могут быть почерпнуты из морфологии ландшафта (даже реконструкции Ю. Лотмана, по-моему, тусклы). *Ландшафт есть прототип описания иных пространств.* Картина, феномен ландшафта могут быть выражены общими категориями - пространство, место, масштаб, форма, дистанция и т.д. Если ландшафт можно уподобить тексту, явно возможен и обратный ход: представить текст как ландшафт.

средам хотя бы потому, что собственность предполагает возможность как переноса, так и полного уничтожения ее предмета. Первое для ландшафта немислимо, а второе, помимо самой утраты, означает еще и ущерб всем смежным по горизонтали и вертикали собственникам.

Множество конфликтов в ландшафте происходит не столько между разными частями, местами-соседями, сколько между масштабными уровнями, в каждом из которых пространство устроено по-своему. Каждый масштаб - это еще и *уровень смыслополагания*, поэтому в "межмасштабных" конфликтах не бывает абсолютно правого. Понятия "объект", "тождество", "собственность", "истина"... масштабно не инварианты, они могут быть осмыслены в ситуациях, полное описание которых не требует масштаба [5]. Экологические (и не только) кризисы нередко обусловлены тем, что издержки (последствия) и эффекты (польза) той или иной деятельности задаются в разных масштабах (пространственных и временных). В результате одни масштабы процветают за счет других (СССР - пример этого [6]).

Жизнь человека, даже если он "сидит сиднем", разворачивается во многих разных масштабах. Причем к своей среде он предъявляет требования, очень зависимые от масштаба. Человек также имеет свой собственный спектр масштабов, в котором обычно бывают доминанты, связанные с образом жизни. Они различны, например, у крестьянина и горожанина, шахтера и летчика. *Размер личности* связан с богатством и размахом масштабного спектра и отчасти индуцируется им. Один человек живет в доме и квартале, а другой еще и в городе и пригороде, третий - в регионе и государстве; есть личности, живущие в Европе, в Евразии, на Земле, в Солнечной системе... Адекватность взаимодействия людей между собой и с ландшафтом очень зависит от способности проживать всю полноту масштабного спектра, от навыков концентрации на необходимом масштабе и переключения с масштаба на масштаб. Полимасштабности ландшафта отвечает полимасштабность живущих в нем людей. Разные группы основывают свое жизненное понимание и поведение на переживании и (семантическом) использовании разных масштабов.

Полимасштабность обеспечивает поразительную особенность ландшафта - его почти бесконечную *емкость для смысла и деятельности*. Различные утилитарные и неутилитарные способы "использования" ландшафта возможны в разных ландшафтных нишах. Число и разнообразие таких ниш увеличиваются еще и благодаря временным масштабам, выражающимся, в частности, во многих системах - периодичности, ритмичности и сезонности. Примерно так ландшафт является жизненной средой для огромного числа популяций живых организмов: многие из них занимают не отдельные, только им предназначенные ячейки пространства, но используют некоторые фрагменты пространственно-временных масштабных спектров.

Сказанное ниже не должно показаться странным: мир ландшафта для цивилизации экзотичен. Как нельзя ни о каком месте говорить (чем оно занято) безотносительно масштаба, так и о человеке по той же причине нельзя сказать, где он живет. Ни локализовать объекты, ни охарактеризовать их вне конкретного масштаба нельзя. Но раз так, нельзя их и отождествить. В мире ландшафта вещи и события не существуют "сами по себе". Академически это называется отсутствием масштабной инвариантности феноменов (хотя структуры вещей и событий, идеальные их модели могут быть масштабно инвариантными и изучаться как таковые). Присущее всякому ландшафту население - не просто жители конкретного места, даже умеющие им осмысленно пользоваться; *местное население - население полимасштабного места*⁷. В общем случае нельзя говорить о тождественности двух мест жизни людей, если у них нет существенного совпадения *масштабной локализации*⁸.

⁷ Важен и сложен вопрос: являются ли обитатели большого города его горожанами? Ведь если они живут в своем "кусочке" городской территории, а город в целом им не дан, нет оснований считать их его жителями. Так, основная масса "москвичей" ограничена Кунцево, Люблино, даже Замоскворечьем.

⁸ Это понятие нетривиально. Конфликт соседей очень часто является результатом их масштабной Диссонанса.

Для всякого живого культурного ландшафта характерна масштабная сбалансированность, даже *гармония масштабов*. Простейший пример такого сбалансированного комплекса - большая традиционная семья: ее члены "специализированы" и на определенных масштабах. Тогда любой кризис, происходящий в мире ландшафта и/или видимый из этого мира как своеобразной проекции, имеет симптомом, основанием или последствием утрату баланса в масштабном спектре. Не исключение и кризис культуры.

Ныне, когда процессы унификации набрали столь большую силу, что их опасность начала осознаваться, важнее подчеркнуть неунифицируемую упорядоченность (хотя она может показаться хаосом). Живой ландшафт выступает как антитеза и хаосу, и такту, равномерной повторяемости стандартных элементов. Естественное чувство заставляет нас любоваться (и чисто зрительно, и эйдетическим зрением) и деревьями в лесу, и крестьянскими домами, и самими деревеньками, и всей тканью культурного ландшафта... Мы ощущаем здесь *ритм* размещения в пространстве сходных, не тождественных элементов.

Но ритм индуцирует специфичный масштаб; стоит сказать сильнее - коли есть смысловой ритм, то и качественно (а не только количественно) масштаб вполне реален. Ритмов так же много, как и масштабов. И ландшафт - я все наращиваю его образ, вынужденно односторонне когнитивный - еще и *континуум масштабов и ритмов*. Многие в смысловой явленности ландшафта роднит его с музыкой. Иные страницы "Музыки как предмета логики" А. Лосева читаются как логическая пропедевтика феноменологии ландшафта. Недостаток места не позволяет говорить более о ритме, об умном порядке фокальных⁹ элементов, визуальных и символических доминант путей и траекторий.

Видимо, теперь становится яснее, почему всякое частичное вторжение в ландшафт столь катастрофично. Оно даже хуже, чем полное разрушение одной части ландшафтного пространства. Такое вторжение ломает весь спектр масштабов и ритмов. Между превращением в ничто одного места ландшафта и уничтожением единичной вещи нет ничего общего. Неразрывность ландшафта делает его уязвимым, разрушение единичного места имеет далекие последствия.

Места и пространство

Разберемся теперь с понятием пространства. Если пространство дифференцировано, анизотропно, полимасштабно, полиритмично, если оно сложно пронизано смыслами и деятельностью (неуместное "и"!), если в нем качество доминирует над количеством, а форма над формулами, то правомерно ли использовать это понятие? Надо отдавать себе отчет, что то пространство, о котором идет речь, радикально отличается от привычных для нас, будь то пространство ньютоновской механики или идейно сходной с ней классической экономики и социологии. В *ландшафтном пространстве* нет оснований задать отдельно геометрию и физику (экономику, семантику), как в текстах многих типов нельзя по отдельности задать синтаксис и семантику. Нет никаких изолированных атомов вещества или человеческой массы. Нет вообще способа представить пространство очищенным от содержимого. Когда говорят "нанести на карту", подразумевается, что карта - это уже насыщенное и дифференцированное смыслами пространство.

В сущности, все, что случилось с ландшафтом в индустриальной массовой демократической цивилизации, это быстрое превращение континуума ландшафтов в освоенное и используемое пространство. Оно описывается метафорой взаимодействия, тяготения социальных масс в зависимости от социальных расстояний. Данная метафора оказывается даже моделью, и именно потому, что по этой модели (уже в ином смысле)

⁹Фокальные - полимасштабные ключевые, узловые (эти термины заняты), существенные места.

ландшафт и трансформировался. Оценивать случившееся можно по-разному, не стоит лишь переоценивать его.

Однако ландшафт сохранился. Об этом свидетельствуют не столько остающиеся кое-где леса или патриархальная глушь, фрагменты ритма, сколько сами принципы его устройства. Даже в чисто природном ландшафте его топология, пространственная оформленность оказываются сильнее и жизненнее вещественного заполнения, формы устойчивее материала. Радикальная смена доминант в использовании ландшафта, социальные и технологические инновации ломают одни ритмы, но создают другие, одна сложность заменяется иной. Меняются факторы масштабирования, но сохраняется сама полимасштабность, она (равно как и сплошность, и всюдность) способствует выживанию, полноте использования ресурсов, заполнению и преодолению лакун. По-видимому, ныне мы находимся где-то в середине процесса смены одного типа обустроенности ландшафта другим. Преиндустриальный ландшафт заменяет постиндустриальный¹⁰.

Аристократизм ландшафта: смысловое неравенство мест

Всюдность, сплошность и равноправие мест ландшафта не есть его эгалитарность (демократизм). Демократичен омассовленный ландшафт. Выше подчеркивалось принципиальное равноправие всех мест, составляющих ландшафт как в равной мере деталей его устройства, так же как органы живого тела равноправны независимо от их величины или функции. Нельзя назвать равенством вхождение всех частей в одно целое и их незаменимость. Равенство проявляется как раз во взаимодействии частей. Ландшафт, вполне отвечающий своему понятию, *равенства не знает*. Равенство вызывает хаос и/или такт, равны унифицированные детали. Жизнь ландшафта иная. Его демократизм является в свободном сочетании и размещении любых элементов. Но демократизм ландшафта - форма его самоуничтожения. Что же тогда будет в нем аристократизмом?

В ландшафте необходимы и неизбежны полярные, противоположные элементы (как день и ночь, зима и лето), но всякий на своем месте. Соседство разных элементов ландшафта не случайно и не равновероятно статистически, а сугубо обусловлено. Это своего рода буквальная уместность. Ведь соседство в ландшафте обязывает и гарантирует смысловую, а не только пространственную смежность (в частности, единство использования). Разумеется, некогда в сельском ландшафте храм или усадьба были центрами власти и смыслополагания, так же как и свободный город с магдебургским правом являлся центром политического самостояния для всей округи. Они оказывались ценнее и значимее остальных элементов, но в то же время никак не могли заменить последних и "освободиться" от связей с ними. Большой город никогда не станет заменой малому, а на малый нельзя смотреть, как на недоросший большой. Поле дает больше продукта, чем пастбище, которое "полезнее", чем лес, а лес "предпочтительнее" болота. Но из подобных рассуждений отнюдь не следует, что нужно распахать все угодия. Все они нужны друг другу, хотя по каким-то параметрам одни важнее других.

Аристократизм ландшафта вырождается, когда более значимые элементы превращаются и в более необходимые, когда и обычные, и смысловые силы уходят на поддержание главных элементов за счет пренебрежения всеми остальными. При этом нельзя не учитывать, что на месте более значимых могут оказаться в разных случаях почти любые элементы. Иерархии в ландшафте не универсальны, *ландшафт - полииерархичен*. Для каждого из компонентов ландшафта и/или населяющих его групп людей существуют свои иерархические системы (свои - но вы-

¹⁰ В данном случае "мы" - это место (позиция) жителя умеренного пояса Северного полушария Земли; советский параландшафт - страшная аномалия.

растающие из общего сплошного ландшафта). Неравенство мест в ландшафте связано и похоже на неравенство людей в старом додемократическом (до-просвещенческом) смысле.

Очевидные неудачи реконструкций эстетически и исторически ценных мест объясняются невозможностью реконструкции всей поликонтекстуальной системы смысловых отношений конкретного ландшафта. Подавляемый искусственно конструируемыми макетами фон по праву "мстит". Ведь иерархии ландшафта укоренены в нем, а всякие новации, в свою очередь, должны укорениться. Видимо, укоренился, разбросав свои части композиционного и смыслового целого, Петербург (хотя иное мнение тоже обосновано - Петербург не вжился, а просто раздавил прежний ландшафт: на его месте было до сотни разных поселений).

Ценности вне экспонирования

Охрана памятников, природы и т.п., т.е. любое *внешнее нормирование ландшафта*, есть акция, по сути, враждебная местному населению. Не случайно посетителей первого в США и в мире Йеллоустонского национального парка солдаты охраняли от индейцев, чьи земли были отняты под парк.

В ландшафте все соотносено со всем, хотя отнюдь не непосредственно. Ценности укоренены (часто буквально) и вырастают из земли и Земли. Каждое место значимо (одно более других), но для других мест и лишь отчасти для пришлых жителей, которые всегда есть в любом конкретном месте. Подчинение же чего-то местного чужакам - обычное насилие над ландшафтом и людьми, соединенными жизнью. Такое подчинение может быть либо обычной "реставрацией" (хотя остается не ясным, что реставрируется - вещественно-телесная или семантико-символическая составляющая и как можно отреставрировать смыслы и символы!?), которая почти всегда усугубляет общую разруху, либо переносом объектов с их исконных мест. Так возникли живописные музеи типа Малых Корел - искусственные композиции фокальных элементов, свезенных из огромного, ограбленного тем самым ландшафта. Иным итогом подобной деятельности бывает очень редко.

Предназначение чего-либо исключительно для экспонирования, показа, визуального потребления означает его физическую и/или символическую изоляцию от ландшафта, наделение объекта особой внешней функцией, помещение в совсем иной, внешний, пространственный контекст. Можно сказать, что добыча нефти на месте уничтоженного ландшафта оленеводов, т.е. присвоение ресурсов для использования в иных, далеких местах, следует той же логике. Но ландшафт - единство мест, имеющих смысл для одной группы людей. Именно это единство позволяет очертить родные ландшафты, даже собственно Родину (Земля - тоже родина).

В современной культуре сформировалось новое основание ранжирования мест - культурно мотивированная живописность. Но это - псевдоиерархия, поскольку "живописные места" даны потребителям в таком статусе не наряду со всеми остальными, а вместо них, и живописность - единственное ценное в подобных местах.

Думается, нынешняя активность по охране природы или памятников является симптомом того, что *ландшафт не переживается как ландшафт*. Ценятся объекты, а фон безразличен (точная аналогия - попытка понять и сохранить смысл текста путем разрушения контекста, изоляции от привычной ему интерпретирующей среды). Это эстетически мотивированное насилие социально и культурно санкционируется. Ситуации превращения реконструкции культурного ландшафта для экспонирования в его общее возрождение представляют редчайшие исключения.

Ландшафт превращается в сеть избранных объектов, ценных исключительно в каком-то частном отношении. Но кроме эстетических (шире - символических) ценностей есть и иные: экономические, ресурсные и т.п. Каждая из них формирует свою сеть ценных объектов. Именно так - суммированием вырванных из ландшафтных контекстов фрагментов - формируется наша пространственная среда. Обитаемое

пространство является сегментированным, безместным, анонимным... Понятие о ценном объекте не только вырезает его из ландшафтного фона и делает деталью сети изолированных объектов, но и "прибивает" жесткой функцией к одному из масштабов. Так в непосредственном соседстве оказываются объекты, живущие (нет - функционирующие) каждый в своем (но не местном) контексте и в отличном от других масштабе. Получается хаос значений, масштабов, смыслов, эклектика свободного сочетания любых элементов, но зато сильные контрасты. Именно такова современная гетеромасштабная городская среда, ценящая за "разнообразие" [7]. Не важно, насыщенным какими ценностями мыслится ландшафт, важно, ценности ли это собственно ландшафта или отчуждаемых от него объектов. По "решать" это должен сам ландшафт, т.е. его жители в самом широком полимасштабном и уж никак не эгалитарно-демократическом смысле.

Зачем нужен ландшафт?

Ландшафт существует во многом в меру нашего взаимодействия с ним как с ландшафтом. Если мы ощущаем, что наша жизненная среда на поверхности Земли нечто иное и большее, чем конгломерат отдельных объектов, если наши передвижения по этой "поверхности" - не случайные блуждания или стремительные переносы от одной точки к другой в безразлично-враждебном пространстве, а осмысленные в каждой своей части поездки, если нам нужно нечто, где мы могли бы в естественной цельности переживать погоду и руины, рельеф и сезоны года, закаты и дожди, небо и почву, неожиданные контрасты, приятную уютность обжитого, странные пейзажи и унылость новостройки, то нам нужен ландшафт. Но признак "быть ландшафтом" не дан сам по себе, он - функция взаимодействия, способ и способность по крайней мере видеть...

Но тогда ландшафт может быть гипотезой? Разумеется, но ее всегда можно подтвердить, если уметь или хотеть жить в ландшафте. Проживание и переживания ландшафта как единства пространства, вещей и смыслов это не дополнительная обуза, не обременительное клише видения. Жизнь-в-ландшафте - это один из способов обретения-восстановления-наращивания единства собственного жизненного мира. Можно видеть поверхность Земли "складом-музеем-свалкой" вещей без связи, а свою жизнь считать основанной на этих отдельных вещах, а можно представлять ее сложной и обязывающей цельной средой. Короче, если бы культурного ландшафта не было, его бязательно надо было бы придумать...

Народная демократия или культурный ландшафт?

Существование ландшафта жизненно важно. Но его нет. Неверен вывод, что ландшафт надо построить. Ландшафт, хозяйство, язык можно разрушить и деформировать, но нельзя сконструировать. Они самосоздаются, на этот процесс можно только влиять.

Ландшафт - среда обитания, рамочное условие, пресуппозиция (условие осмысленности) жизни. Но одновременно и ценность. В эпоху романтического капитализма с его пафосом утверждения личности, прогресса, свободы и собственности ландшафт был архаичен. Ведь он имманентно предполагает укоренение человека в среде, созданной его предками, выраженность традиции в вещно-знаковых комплексах поверхности Земли, внерациональные особенности мест, заведомое неравенство людей планеты. Даже в идеале нельзя мыслить всех равными относительно ландшафта (как это можно допустить политически или экономически). Идея равенства, доведенная до конца, предполагает однообразную среду, но ландшафт - в отличие от богатства - не может быть разделен на всех поровну.

Хотя абсолютизация свободы и рынка стихает, она еще велика. И это не дает в полной мере осознать, что *ландшафт как ценность находится в противоречии с ценностями равенства и суверенитета личности*. По существу, одно реализуемо

только за счет другого. Беспредельная свобода, спасающая общество от слияния с государством, ведет к серии кризисов. Несвобода чревата тотальным кризисом, не оставляя свободных смысловых ресурсов для его самопреодоления.

Ситуация ландшафта по сути своей принципиально сложна и опасна. Он не может быть защищен в собственно политическом процессе. Идеологии как таковые безразличны к ландшафту, а ландшафтофильные течения чреватые ксенофобией (то же самое происходит с культурой как предметом идеологии). Политическая же программа, в центре которой лежит ландшафт, близка агрессивному экологизму с лозунгами "чистой родной земли", "духовной почвы без чужаков", "особого пути", "неоязычества".

Ландшафт глубже политики и уже потому не должен жить в ней. Он совершенно антиэгалитарен (резче - антидемократичен), и адекватное к нему отношение масс просто невозможно. Революция масс разрушила и ландшафт. Попытки демократизации (присвоения) ландшафта усугубляют кризис.

Разнообразие как атрибут ландшафта подразумевает разнообразие форм жизни и способов взаимодействия с ним. Надо признать, что ограниченный ландшафт прединдустриальной эпохи полностью невосстановим, хотя его живые компоненты крайне ценны. Сейчас формируются новые значимые стереотипы жизни и технологические ситуации, сами по себе равнодушные к ландшафту, но приводящие к актуализации его как ценности. Это, например, тенденции вторичной доместикиции (одомашнивания) рабочих мест, развитие гибких, зависящих от локальных условий технологических систем, рост престижа здоровья и жизни в здоровых местах, распространение престижного неутилитарного землевладения, наконец, та компьютерная инженерия, в которой скоро может быть осознано, что креативность человека тесно связана с его включенностью в жизнь культурного ландшафта, и многое другое.

Ландшафт неосознанно становится все более ценным социально, персонально, экономически и коммуникативно. Названные тенденции явно ориентированы на полиморфизм среды и людей и на избирательность требований к ней. Потенциально это путь к возрождению ландшафта как феномена в принципе одновременно и народного, и аристократичного. Здесь нет противоречия. Нам нужно свыкаться с аристократичностью ландшафта. Это отнюдь не исключительно достояние прошлого, оставившего нам недемократические формы". Ландшафт - метафорически -сам способен подбирать для себя людей, если ему не мешать.

Культурный ландшафт может быть подлинным, глубоким, емким семантически и богатым независимо от того, есть ли в культуре в целом категория ландшафта и/или рефлексия по его поводу. (Впрочем, богатство культуры тоже не связано с ее данностью как категорией.) Связь между ландшафтом как ценностью и ландшафтом как манифестом, по-видимому, отсутствует. Быть может, ландшафт и вовсе есть категория, ясная лишь по умолчанию, подразумеваемая в своих привычных выражениях, основанная на спонтанных, частных, нескоординированных, разрозненных, противоречивых действиях людей.

Кризис обязывает к рефлексии. Дефицит форм жизни требует вопрошания. Ландшафт ныне - то, о чем стоит спросить, задуматься...

(Окончание следует)

¹¹ Понятие формы, идущее от Аристотеля через Аквината, отнюдь не демократично и предполагает разные способности уяснения формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арманд А.Д.* Ландшафт как конструкция // Известия Всесоюзного географического общества. 1983. Вып. 2.
2. *Каганский В.Л.* Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М, 1982.
3. *Каганский В.Л.* Районирование как расчленение континуальных предметных сред // Классификация в современной науке. Новосибирск. 1989.
4. *Шрейдер Ю.А.* Районирование с логико-методологической точки зрения // Известия Всесоюзного географического общества. 1986. Вып. 5.
5. *Родоман Б.Б.* Уроки географии // Вопросы философии. 1990. № 4.
6. *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // Общественные науки и современность. 1995. № 2. 3.
7. *Каганский В.Л.* К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., 1990.